



ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 349.6

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

Правовое положение природных объектов в законодательстве России и зарубежных стран: субъективные права или правовой режим?

Анисимов А.П., Исакова Ю.И.

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, д. 1
anisimovap@mail.ru

Аннотация. Ухудшение состояния окружающей среды в мировом масштабе говорит о том, что причиной этого являются не отдельные недостатки международного или национального законодательства. Авторы доказывают, что причина этих проблем лежит в плоскости экологической этики и философии. Господствующая в большинстве стран мира антропоцентричная концепция взаимодействия Природы и общества предполагает, что при осуществлении хозяйственной или иной деятельности главной целью является обеспечение интересов человека, интересы других живых существ учитываются слабо, что усугубляет мировой экологический кризис. В работе рассмотрен опыт стран Латинской Америки, предлагающих эоцентричный подход, в рамках которого Природе предоставляется ряд прав, а человек признается лишь ее частью. Реализованная в законодательстве данная идея способна смягчить экологический кризис за счет учета всех экосистемных связей, что уже отчасти было реализовано в Рамсарской конвенции (1971) о водно-болотных угодьях. Сделан вывод о том, что продолжение этой стратегии позволит изменить правовое регулирование экологического нормирования, экологического контроля, создания особо охраняемых природных территорий и ряд других направлений. Авторами предложена стратегия перехода к новой системе экологических требований и экологизации российского законодательства.

Ключевые слова: природа, субъективное право, Латинская Америка, эоцентризм, антропоцентризм

Для цитирования: Анисимов А.П., Исакова Ю.И. 2024. Правовое положение природных объектов в законодательстве России и зарубежных стран: субъективные права или правовой режим? *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(4): 695–705. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

The Legal Status of Natural Objects in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Subjective Rights or a Legal Regime?

Aleksey P. Anisimov, Yulia I. Isakova

Don State Technical University,
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Abstract. The deterioration of the environment on a global scale suggests that it does not stem from individual shortcomings of international or national legislation. The authors prove that the cause of these problems lies in the plane of environmental ethics and philosophy. The anthropocentric concept of



interaction between Nature and society which prevails in most countries assumes that the main goal of economic or other activities is to ensure human interests. Nature protection tasks are limited to regulating emissions and discharges, the totality of which should not negatively affect human health. The interests of other living beings are poorly considered, which aggravates the global ecological crisis. The article discusses the ecocentric approach used by Latin American states, wherein Nature is granted a number of rights, and man is recognized only as a part of it. Implemented in legislation, this idea can mitigate the environmental crisis by taking into account all ecosystem links. This strategy has already been partially implemented in the Ramsar Convention (1971) on Wetlands. If continued, it will make it possible to change the legal regulation of environmental standards, environmental control, the establishment of specially protected natural territories, and many other areas. The authors suggest a strategy of transfer to a new system of environmental requirements and making the Russian legislation more environmentally focused.

Keywords: Nature, subjective law, Latin America, ecocentrism, anthropocentrism

For citation: Anisimov A.P., Isakova Yu.I. 2024. The Legal Status of Natural Objects in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Subjective Rights or a Legal Regime? *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 695–705 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

Введение

Состояние окружающей среды в мировом масштабе вызывает все большую озабоченность и тревогу. По данным экологической программы ООН (ЮНЕП), один миллион из примерно 8 миллионов видов растений и животных в мире находится под угрозой исчезновения; 75 % поверхности суши Земли были существенно изменены в результате деятельности человека; 66 % площади океана подвержены влиянию деятельности человека, включая рыболовство и загрязнение; около 90 % мировых запасов морской рыбы полностью выловлены, чрезмерно выловлены или истощены. Потеря природных ресурсов имеет далеко идущие последствия. Поврежденные экосистемы усугубляют изменение климата, подрывают продовольственную безопасность. В результате около 3,2 млрд человек (40 % населения мира) страдают от деградации земель; коммерческое производство сельскохозяйственных культур находится под угрозой потери до 577 млрд долларов в год из-за сокращения численности насекомых-опылителей; развитие приводит к более тесному контакту животных и людей, что увеличивает риск распространения таких заболеваний, как COVID-19 (около 60 % человеческих инфекций имеют животное происхождение); 100–300 млн человек подвергаются повышенному риску наводнений и ураганов. Сокращение природных ресурсов и биологического разнообразия при нынешних тенденциях подорвет прогресс в достижении 35 из 44 задач ЦУР, связанных с нищетой, голодом, здравоохранением, водными ресурсами городов, климатом, океанами и сушей¹ [UNEP, 2024]. Это перечень угроз экологической безопасности можно продолжить.

Причин сложившейся ситуации достаточно много, но далеко не последняя из них заключается в неэффективности международного права и национального законодательства. На наш взгляд, законодательство любой страны основано на мировоззрении населения, его традициях и менталитете (именно поэтому мы видим много отличий в механизмах правовой охраны окружающей среды различных государств). До недавнего времени законодательство всех стран мира базировалось на философской концепции антропоцентризма, в рамках которой человек рассматривался как мера всех вещей; самостоятельная ценность остальных живых существ не признавалась, они лишь использовались для достижения целей людей. Такой подход в более современном виде предполагает необходимость смягчения негативных последствий от эксплуатации природных ресурсов, а также ограничение воздействия на экосистемы таким образом, чтобы загрязнение окружающей среды не влияло на состояние здоровья человека. При

¹ UNEP. Facts about the nature crisis. 2024. <https://www.unep.org/facts-about-nature-crisis> (дата обращения 09.08.2024).

этом интересы животных и растений (у которых может быть другой порог выживаемости в условиях загрязнения) не воспринимаются совсем либо учитываются факультативно. Последствия для мировой экологии от такой философии и основанного на ней законодательства известны.

Осознание катастрофичности этой модели взаимодействия природы и общества привело к формированию философской концепции эоцентризма (на основе которой начинают приниматься первые нормативные акты), предполагающей основной акцент на охране интересов не одного лишь человека, но и всех других живых существ. Начало данному направлению положили О. Леопольд и А. Швейцер (последнему принадлежит один из основополагающих принципов экологической этики «благоговения перед жизнью») [Швейцер, 1992]. Современные представители экофилософии идут даже дальше, утверждая, что к нашей планете следует относиться не как к мертвому, вращающемуся вокруг Солнца телу, а как к живому и разумному организму, способному откликаться на бездумную деятельность населяющих ее людей. Этот сложный организм представляет собой саморегулирующуюся систему, что проявляется в течении геологических, геофизических, атмосферных и иных процессов [Баркова, 2016].

Происходящий сейчас во многих странах мира и международной практике переход к новой экологической этике и философии влияет на содержание государственной политики и экологического законодательства. Несомненно, право лишь придает внешнюю (обязательную) форму идущим в обществе процессам, при этом ускоряя или, наоборот, замедляя их. В связи с этим весьма познавательным является нормативный опыт стран Латинской Америки, которые реализуют идеи эоцентризма в законодательстве и судебной практике своим особенным путем. Остановимся на этом подробнее.

Права Природы в законодательстве и судебной практике стран Латинской Америки

В настоящее время вопрос о субъективных правах существующих шести видов природных объектов не актуален для атмосферного воздуха, недр, лесов и почв. В мировой теории и практике речь идет об обсуждении и первых шагах к признанию субъективных прав Природы и водных объектов; в стадии активной реализации – признание субъективных прав животных (диких и домашних). В рамках первой тенденции в ряде стран Латинской Америки сейчас формируется новая эоцентричная парадигма, предлагающая рассматривать Природу как субъект права, признавая ее важность и неотъемлемую ценность. В Конституции Эквадора (ст. 71)¹ указывается, что Природа (Пачамама), где воспроизводится и происходит жизнь, имеет право на всестороннее уважение к своему существованию, а также к поддержанию и восстановлению своих жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов. Права рек или иных природных объектов отдельно не упоминаются, однако суды уже несколько раз выносили решения в пользу рек. Например, река Вилькабамба была признана истцом в судебном процессе, и ее интересы представляли два физических лица. В Перу одно время обсуждалось принятие закона о признании воды в качестве субъекта права (законопроект № 8097/2020-CR, предлагавший наделение воды правосубъектностью с предоставлением ей механизмов защиты со стороны государства и населения; однако этот проект не был принят). В Боливии права Природы провозглашены не в конституции, а в специальных законах. Закон 71/201023 гарантирует права Матери-Земли как коллективного субъекта общественных интересов и закрепляет принцип межкультурного взаимодействия для осуществления ее прав, учреждает управление по защите прав Матери-Земли для обеспечения их соблюдения.

¹ Constitucion Del Ecuador (Конституция Эквадора) – URL: <https://educacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/08/Constitucion.pdf> (дата обращения 21.10.2024)



В Колумбии судебное решение T-622/1618 (2016) вошло в историю после признания реки Аtrato субъектом права [Álvez-Marín et al, 2021, p. 164]. Примечательно, что в своем решении суд подчеркнул необходимость преодолеть антропоцентричный взгляд, свойственный западной мысли, и вместо этого перейти к экоцентричному подходу, согласно которому Природа является субъектом, обладающим правами в силу своей внутренней ценности, что требует юридического инструмента, обеспечивающего ей защиту и справедливость. Конституционный Суд Колумбии посчитал необходимым признать и защищать гармоничные и взаимозависимые отношения человека и Природы, в том числе особые отношения с участием этнических общин. Суд признал реку Аtrato и ее притоки субъектом прав на их защиту, сохранение, поддержание и восстановление с установлением ограничений любой экономической и иной деятельности, последствия которой могут повлечь деградацию и ухудшение состояния данного водного объекта и прав местных общин, которые зависят от него, чтобы существовать и развиваться. Из этого следует, что в решении Конституционного Суда Колумбии фактически идет речь о признании Природы субъектом права и, таким образом, о создании благоприятных условий для усиленной защиты Природы в интересах настоящего и будущих поколений. Этот поход основан на альтернативных этических взглядах, направленных на обеспечение комплексных отношений человека и Природы. Впоследствии этот прецедент был взят другими судьями в качестве основания для вынесения аналогичных решений, побуждающих задуматься о важности признания водных ресурсов в качестве субъекта права с более широкой экологической точки зрения (не только в плане защиты отдельной реки, но и в контексте новых форм взаимодействия человека и Природы). Использование такого подхода позволяет говорить о том, что ответственное и устойчивое управление природными ресурсами предполагает сохранение водных объектов для будущих поколений.

Преимущества признания воды субъектом права, по мнению ученых-юристов из Латинской Америки, заключаются в следующем. Такое решение предоставляет ей новый правовой статус, гарантирующий защиту и сохранение. Для этого следует принять новые правовые нормы, рассматривающие воду как элемент Природы с внутренней ценностью, выходящей за рамки ее полезности для человека. Это позволит снизить ее чрезмерную эксплуатацию и загрязнение. Юридическое признание воды как субъекта права обеспечит справедливый и ответственный доступ людей (а особенно наиболее уязвимых общин) к безопасной питьевой воде и базовым санитарным услугам. Такое признание будет означать более активное участие властей в надлежащем уходе за водой (включая создание механизмов подотчетности, которые будут способствовать прозрачности при принятии решений, касающихся водных объектов) и их ответственность [Requena et al, 2024]. Соответственно, в отличие от антропоцентричного подхода, закрепляющего, что вода предназначена для удовлетворения потребностей человека, экоцентричный подход признает самоценность воды, ее право существовать и течь в гармонии с природными экосистемами. Из этого следует, что права Природы должны стать новым этико-правовым обязательством человека защищать и уважать Природу, учитывать ее различные формы и проявления, устанавливать границы негативного воздействия на Природу, которые не выходят за рамки ее способности к существованию.

Таким образом, права Природы направлены не на запрещение ее использования, а на установление границ, гарантирующих поддержание жизни экосистем и отдельных природных объектов. Признание Природы автономным субъектом права предполагает новый способ понимания той роли, которую она играет в меняющемся мире, где человек и его потребности не должны быть важнее всего остального. Такой подход не вписывается в традиционное экологическое право и направлен на радикальное изменение понимания категорий окружающей среды и развития.

В настоящий момент такой подход является неприемлемым для большинства мировых правовых систем (включая страны ЕС и Россию). Причины такого непонимания

и отторжения лежат за рамками права. Конституционное признание прав Пачамамы (Матери-Земли) отрицает материальный взгляд либерального государства на Природу, так как оно основано на альтернативной философии, предполагающей новый формат общения Матери-Земли и человека и признающей ценность естественных экосистем. Поэтому в Рамочном законе Боливии о Матери-Земле Природа объявлена субъектом права как динамическая живая система, сформировавшая неделимое сообщество всех систем жизнедеятельности и живых существ, взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих, имеющих общую судьбу. Это означает, что новые поколения людей и экосистемы представляют собой часть Матери-Земли. При этом заявлено о правовом характере коллективного субъекта, интересы которого необходимо защищать.

Как и в Боливии, в Эквадоре еще сохраняется двойное понимание Природы, которое, с одной стороны, включает в себя утилитарный взгляд на ее элементы (что закреплено в виде основных целей и функций государства), с другой стороны, мы встречаем и указание на важность ее защиты по причине присущей Природе ценности.

Права Природы являются эпистемологически новаторскими, поскольку они ставят под сомнение некоторые из фундаментальных категорий современного западного права, а также потому, что они возникают в результате неортодоксальных процессов формирования новых правовых знаний. Толкование и признание прав Природы предполагает, что без справедливого ограничения потребления ресурсов существование человека в будущем может быть поставлено под угрозу из-за их отсутствия. Это позволяет сделать вывод о том, что солидарность и справедливость между поколениями, с одной стороны, и защита окружающей среды, с другой стороны, в конечном итоге связаны до такой степени, что становятся одним и тем же охраняемым юридическим интересом [Vargas-Chaves et al, 2024]. Не менее важный вывод состоит в том, что существующий скептический взгляд европейской науки на правовые теории и практики стран глобального Юга несостоятелен, поскольку последние способны генерировать новые правовые смыслы и нормы (которых нет в странах Запада), выдержанные в системе ценностей эоцентризма.

Обратим внимание и еще на одно важное обстоятельство. В тех странах Латинской Америки, где в той или иной форме мы видим признание прав Природы, это происходит под влиянием мировоззрения коренных народов Анд. Пачамама (Мать-Земля) является живым существом для этих народов и теперь включается в правовую систему страны¹ [Cuevas, 2017]. Само нормативное закрепление такого субъекта может отличаться: в Эквадоре он наделен статусом субъекта права, который имеет право на жизнь и на восстановление своих жизненных циклов. Он не может действовать юридически сам по себе и должен быть защищен людьми. Люди и государство должны воздерживаться от насилия над процессами и структурами, из которых состоит это живое существо, они обязаны предпринимать все действия для его защиты и сохранения. Боливийский конституционный нарратив не заходит так далеко, как эквадорский. Конституция Боливии признает существование Пачамамы как божества и воспринимает его защиту как нормативный принцип, которым руководствуется государство, однако не наделяет Пачамаму статусом субъекта права. Рамочные законы страны о Матери-Земле, которые развивают данный принцип, расширяют признание этого живого существа, предоставляют ему некоторые права и создают обязанности для государства и граждан, например, учреждают Управление защитника Матери-Земли для ее сохранения и реализации права на восстановление [Requena et al, 2024, p. 11]

Все это ставит под сомнение прочно укоренившиеся представления, что только люди, наделенные свободой воли, могут рассматриваться как субъекты права.

¹ Cuevas N. 2017. Pachamama: Madre Tierra, Historia, Rituales y su Significado para los Pueblos Indígenas. – URL: <https://designificados.com/pachamama/> (accessed August 9, 2024).



Традиционно считается, что субъект без сознания и способности к действию не несет ответственности, он не может принимать решения и брать на себя их последствия. Вопреки этим представлениям, Пачамама как живое существо провозглашена субъектом права. Такой подход оспаривает антропоцентризм, лежащий в основе современного конституционализма.

Таким образом, в странах Латинской Америки сделаны первые шаги по формированию экологического законодательства, основанного на новой системе ценностей, входящих в философскую концепцию экоцентризма. В формирование данной концепции ощутимый вклад вносят суды, а ее содержание основано на культуре, а также на религии коренных народов, проживающих в данных государствах. В настоящий момент речь идет о правах Природы в целом или правах водных объектов, причем вопрос не стоит о закреплении за ними полноценного перечня прав, аналогичного правам человека и гражданина. Скорее, речь идет о новой модели восприятия природных объектов, об учете экосистемных связей, изменении потребительского отношения граждан к Природе, о введении дополнительных мер по охране водных объектов, предотвращении их загрязнения и недопущении причинения им ущерба. В рамках этих представлений человек рассматривается не как высшая форма бытия, а лишь как элемент Природы (Пачамамы). Каждая жизнь взаимосвязана с другими, нет разделения между человечеством и окружающей средой. Жизнь имеет общую ценность, являясь не исключительным правом человека, а правом всего живого [Cardozo, Salles, 2019, p. 34].

Российский путь к экоцентризму: как может повлиять концепция прав Природы на дальнейшую экологизацию законодательства?

В настоящий момент в российском законодательстве не предусмотрены права Природы (равно как и вод, лесов и т. д.). Субъектами экологических правоотношений могут выступать только граждане, юридические лица, органы государственной власти и местного самоуправления. Компоненты природной среды (земля, недра, воды и т. д.), природные объекты (естественные экосистемы) и природные комплексы (национальные парки и др.) выступают объектами правовой охраны. По каждому компоненту природной среды приняты специальные законы (Водный кодекс, Лесной кодекс и т. д.), в которых есть специальная глава, посвященная их охране. Кроме того, предусмотрены экологические требования к отдельным видам экологически опасной деятельности (в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и т. д.), которые ограничивают негативное воздействие на окружающую среду; создана достаточно широкая сеть особо охраняемых природных территорий.

В рамках научной доктрины идут весьма интересные дискуссии, не отличающиеся от мировых трендов. Так, Н.С. Макаревич предложил решить положительно вопрос о признании человека в качестве объекта охраны в экологическом законодательстве, поскольку «понятие "человек" включает в себя и социальные, и биологические моменты» [Макаревич, 1973, с. 17]. М.М. Бринчук отмечал, что признание человека объектом экологического права имеет теоретическое и практическое значение. Кроме восстановления природной справедливости, объективного отражения в законодательстве естественной сути вещей, утверждение человека в качестве объекта экологических отношений позволит усилить потенциал экологического права [Бринчук, 2005, с. 4]. Противники этой идеи, однако, указывают на то, что если человек – часть природы, то ему право не нужно, поскольку природа живет не по праву. В природе все происходит по объективным законам. Как говорится, тамбовский волк тоже часть природы, но для него законы не писаны [Колбасов, 1999, с. 34]. Обсуждаются и более радикальные идеи, например, признания Вселенной объектом (но не субъектом!) экологического права [Бринчук, 2010], но они пока не получили значительной научной поддержки.

Из этого небольшого обзора следует, что в России как части мирового сообщества идут дискуссии между сторонниками антропоцентричного подхода (пока он в науке и практике доминирует) и представителями экоцентричной концепции, указывающих на необходимость изменения философско-правовой картины мира и предлагающих уйти от признания господства человека над всеми другими формами жизни. В этой ситуации возникает резонный вопрос: как концепция прав Природы (Пачамамы) может быть применена в российской научной доктрине, законодательстве и практике? Попробуем дать на него ответ.

Пачамама (Мать-Земля) в латино-американской культуре (как совокупность всех имеющихся экосистем) отдаленно напоминает Бога-отца в православном христианстве. У Пачамамы нет субъективных прав, как их понимают нормативисты (политических, экономических, культурных или других). Речь идет о совсем другом типе правопонимания – естественно-правовом, в рамках которого право воспринимается не столько как совокупность правовых норм, сколько как совокупность идей, отраженных (или неотраженных) в нормах права. Соответственно, идея прав Природы состоит в том, что все природные объекты и экосистемы связаны между собой (и человек тоже их часть), поэтому охранять природу надо не пообъектно (леса отдельно, воды отдельно и т. д.), а как совокупность экосистем, учитывая пороговые значения выживания растений и животных при расчете нормативов качества окружающей среды и в иных экологических требованиях, запретах и ограничениях. Учитывать экосистемные связи следует в том объеме, в каком это возможно при нынешнем уровне развития науки и техники. Впервые такой полноценный экосистемный подход был реализован в Рамсарской конвенции 1971 года (для России как правопреемника СССР она является действующей), в рамках которой было предусмотрено, что болота охраняются не отдельно (а растительность отдельно и птицы отдельно), а как водно-болотное угодье в целом (совокупность экосистем). В переходе именно к таким экосистемным стратегиям и состоит идея прав Природы. Другими словами, нестандартный взгляд на хорошо известные и обсуждаемые экологические проблемы позволяет увидеть в них новые грани и предложить принципиально новые пути их решения (включая новый механизм защиты экосистем). Именно поэтому российским юристам-экологам может быть интересен опыт стран Латинской Америки.

Переход к новой системе экологических требований будет небыстрым и непростым, и займет он не одно десятилетие. Однако начинать нужно уже сейчас, если мы хотим, чтобы наши дети жили в чистой и благоприятной окружающей среде, где еще есть растения и животные. Однако, как идея прав Природы (чисто теоретически) могла бы повлиять на действующее экологическое законодательство в России и что в нем следует изменить?

На наш взгляд, с учетом существующих в мировой практике тенденций постепенного перехода на стандарты экоцентризма, в России необходимо предпринять следующее:

1) разработать новую систему экологических нормативов качества окружающей среды и технических регламентов, которые будут учитывать не только необходимость сохранения жизни и здоровья человека, но и потребности иных живых организмов;

2) экологическая экспертиза и процедура оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в ходе оценки документов (документации) о хозяйственной и иной деятельности, представляющей потенциальную экологическую опасность, должны учитывать интересы не только человека, но и других форм жизни. Это потребует внесения изменений в экологическое законодательство России;

3) экологический контроль должен оценивать любое негативное воздействие на окружающую среду через призму его опасности не только для жизни и здоровья человека, но и для состояния флоры и фауны. Как и в предыдущем случае, это станет



возможным только после проведения сложных научных исследований о характере и степени воздействия разных видов загрязнений и иной деятельности человека на окружающую среду;

4) в основе экологического воспитания и образования должны быть новые цели, задачи и приоритеты. Это потребует не только разработки новой концепции, но еще и написания соответствующих научных и учебных трудов, произведений художественной литературы;

5) граждане и общественные экологические объединения должны получить право требовать прекращения экологически опасной деятельности в случае причинения вреда не только здоровью человека (или требовать возмещения экологического вреда), но и объектам животного и растительного мира;

6) перспективы перехода к экоцентризму можно продемонстрировать на следующем практическом примере: в статьях 16.6, 75.1 и 78.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. устанавливается, что плата за негативное воздействие на окружающую среду (она взимается, например, с промышленных предприятий за выбросы вредных веществ в атмосферу), суммы штрафов, собранных с нарушителей экологического законодательства, а также средства, полученные с причинителей вреда природным объектам, должны расходоваться не на восстановление этих пострадавших экосистем, а на выявление и ликвидацию объектов накопленного экологического вреда (типичным примером последнего могут быть старые свалки отходов производства и потребления) – в рамках экосистемного подхода подобное решение станет невозможным;

7) необходимо скорректировать не только экологические нормативы, но и требования к отдельным видам деятельности. В частности, это означает, что кроме дискуссий о том, насколько вредно для человека потребление продукции с использованием генно-модифицированных организмов (ГМО), нужно начать и дискуссию о возможных последствиях выращивания сельскохозяйственных ГМО-культур для животных и растений;

8) в рамках экосистемного подхода можно будет учитывать и сохранять эстетическую ценность Природы. Российские ученые уже предложили дополнить перечень объектов охраны окружающей среды «природными ландшафтами», определяя ландшафтное разнообразие как «вариабельность природных и природно-антропогенных ландшафтов и протекающих в них экологических процессов, обеспечивающих благоприятную окружающую среду» [Гафина, 2008, с. 6]. Признание эстетических свойств ландшафтов как объекта правовой охраны является одним из стратегических направлений на пути к устойчивому развитию, которое должно найти отражение не только в законодательстве об особо охраняемых природных территориях, но и в экологическом законодательстве в целом;

9) следует расширить критерии образования, режима защиты особо охраняемых природных территорий (ООПТ), а также зон экологического бедствия. ООПТ могут создаваться как путем придания особого правового режима отдельным территориям (точно и бессистемно), так и с использованием экосистемного подхода, позволяющего учесть экологическую ситуацию на прилегающих к ООПТ территориях, а также состояние окружающей среды в соседних странах, поскольку экосистемы никак не зависят от проведенных государственных границ. Последнее направление называется «национальная экологическая сеть». Многочисленные научные исследования говорят о том, что изолированные ООПТ со временем теряют биологическое разнообразие и не могут обеспечивать сохранение природы в перспективе¹ [Гайнутдинова, 2003]. И только создание системы специальных экологических коридоров поможет ликвидировать

¹ Гайнутдинова Л. 2003. Башкортостан на пути к природоохранной реформе. – URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2003-09-19/bashkortostan-na-puti-k-prirodoohrannoy-reforme-2007340> (дата обращения 09.08.2024).

островной эффект, обеспечить взаимную поддержку популяций и генетический обмен между разделенными в результате деятельности человека биоценозами, позволяя сохранить биоразнообразие в долгосрочной перспективе. В России это пока только теория, но в Республике Беларусь уже есть и практические результаты. Заметим, что, кроме особо ценных в природоохранном смысле территорий, в России есть и разрушенные (деградирующие) экосистемы, требующие придания им особого эколого-правового режима с проведением рекультивации почв и иных восстановительных мероприятий. В научной доктрине такие территории называются «зоной экологического бедствия» [Каспова, 2014], однако на практике в России (по причине экономии средств государственного бюджета) таких зон пока не создано ни одной;

10) поскольку все природные экосистемы взаимосвязаны (независимо от государственных границ), необходим новый формат международного сотрудничества. Кроме расширения координационной роли ООН, потребуется разработка Всеобщей декларации прав Природы, основанной на новых экоцентричных принципах. Этот документ не будет обязательным, но предложит дорожную карту по разработке национального законодательства государств.

Заключение

Учитывая масштабы продолжающегося на Земле экологического кризиса в эпоху антропоцена, необходимо осмыслить исторические и социальные процессы, которые привели к деградации окружающей среды. Для этого необходимо отказаться от права человека господствовать над Природой и перейти от антропоцентричных к экоцентричным этико-философским стратегиям взаимодействия Природы и общества. Первый такой шаг был предпринят в ряде стран Латинской Америки (Эквадор, Боливия). Предлагаемый ими экоцентричный стандарт, связанный с наделением Природы рядом прав, невозможно воспринимать в категориях нормативизма, однако предложенные в этих странах идеи учета всех экосистемных связей, восприятия Природы как живого существа, требующего совершенно другого отношения к себе со стороны человека, самовосприятия последнего как части Природы вполне могут быть востребованы в национальных юрисдикциях любых стран (включая Россию) с учетом национальных правовых и культурных традиций, менталитета их народов.

Представляется важным улучшить координирующую роль ООН, разработать ряд деклараций и иных актов «мягкого права», определяющих стратегические цели мирового сообщества. Стратегия перехода к экоцентризму в России потребует широкой общественной дискуссии о новых правилах взаимодействия общества и Природы с последующим внесением изменений в экологическое законодательство в части новых стандартов нормирования, создания ООПТ, защиты природных ландшафтов, учета мнения коренных народов, изменения существующих подходов к экологическому воспитанию и образованию и т.д. Реализация этой сложной задачи даст человечеству возможность надеяться, что экологический апокалипсис, которым нас часто пугают радикальные представители экологической общественности, не является единственным возможным сценарием будущего. У мирового сообщества вполне могут быть и совсем иные перспективы.

Список литературы

- Баркова Э.В. 2016. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева. *Человеческий капитал*, 8(92): 8–11.
- Бринчук М.М. 2005. Человек как объект экологических отношений. *Экологическое право*, 3: 2–4.



- Бринчук М.М. 2010. Вселенная – уникальная естественная экосистема: эколого-правовой контекст. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 3: 72–100.
- Гафина Л.М. 2008. Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 27 с.
- Каспров Ю.А. 2014. Экологически неблагоприятные территории: особенности правового режима: дис. ... канд. юрид. наук. М., 176 с.
- Колбасов О.С. 1999. Терминологические блуждания в экологии. *Государство и право*, 10: 27–37.
- Макаревич Н.С. 1973. Правовое регулирование общественных отношений по охране природы в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 20 с.
- Швейцер А. 1992. Благоговение перед жизнью. М., Прогресс, 574 с.
- Álvez-Marín A., Castillo R., Acuña-Molina C., Torres P. 2021. Legal personhood of Latin American rivers: time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*, 12-2: 147–176.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives. *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30–46.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. [The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. [The Rights of Future Generations: Considerations From the Recognition of the Rights of Nature from the STC4360-2018 of the Supreme Court of Justice of Colombia]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.

References

- Barkova E.V. 2016. K istorii ekofilosofii: golos oduhotvorenogo mira v garmonii vzaimodejstviya chelovechestva i prirody v koncepcii V.S. Solov'eva [Towards the History of Ecophilosophy: the voice of the spiritualized world in the harmony of the interaction of humanity and nature in the concept of V.S. Solovyov]. *Human capital*, 8: 8–11.
- Brinchuk M.M. 2005. Chelovek kak ob"ekt ekologicheskikh otnoshenij [Man as an object of environmental relations]. *Environmental law*, 3: 2–4.
- Brinchuk M.M. 2010. Vseleennaya – unikal'naya estestvennaya ekosistema: ekologo-pravovoj kontekst [The universe is a unique natural ecosystem: ecological and legal context]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 3: 72–100.
- Gafina L.M. 2008. Pravovaya ohrana landshaftnogo raznoobraziya v Rossijskoj Federacii [Legal protection of landscape diversity in the Russian Federation]: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Ulyanovsk, 27 p.
- Kasparova Yu.A. 2014. Ekologicheskii neblagopoluchnye territorii: osobennosti pravovogo rezhima [Ecologically unfavorable territories: features of the legal regime]: dissertation of the Candidate of Law. M., 176 p.
- Kolbasov O.S. 1999. Terminologicheskie bluzhdaniya v ekologii [Terminological wanderings in ecology]. *State and law*, 10: 27–37.



- Makarevich N.S. 1973. Pravovoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij po ohrane prirody v SSSR [Legal regulation of public relations for nature protection in the USSR]: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Saratov, 20 s.
- Schweitzer A. 1992. Reverence for life. M., Publ. Progress, 574 s.
- Álvez-Marín A., Castillo R., Acuña-Molina C., Torres P. 2021. Legal personhood of Latin American rivers: time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*, 12-2: 147–176.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives. *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30–46.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. [The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. [The Rights of Future Generations: Considerations From the Recognition of the Rights of Nature from the STC4360-2018 of the Supreme Court of Justice of Colombia]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.08.2024

Поступила после рецензирования 30.09.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Received August 20, 2024

Revised September 30, 2024

Accepted October 5, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

Yulia I. Isakova, Doctor of Sociology, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.